

УДК 94(57)

Иркутск периода капиталистической модернизации: основные характеристики и тенденции развития общественного быта населения во второй половине XIX в.

Н. И. Гаврилова

*Иркутский национальный исследовательский технический
университет, г. Иркутск*

Аннотация. Рассматриваются основные характеристики и тенденции развития общественного быта населения Иркутска во второй половине XIX в. В центре внимания находятся вопросы участия горожан в органах местного самоуправления, в деятельности неполитических общественных объединений, в религиозной жизни города. Проведен анализ культурно-досуговых аспектов общественного быта иркутян.

Ключевые слова: город, городской образ жизни, общественный быт, социальная структура, местное самоуправление, общественное сознание, общественная самоорганизация, религиозность, секуляризация, добровольные неполитические общественные объединения, общественная инициатива, благотворительность, общественный досуг, традиции, массовая культура, профессиональная культура, праздник.

К середине XIX в. на территории Иркутской губернии была сформирована сеть городских поселений, заложены традиции городской жизни. Развитие капиталистических отношений во второй половине XIX в. привело к усилению урбанистических процессов в крае, выступающих важной составляющей модернизационного перехода территории. К концу столетия города губернии с разной долей интенсивности концентрируют экономическую активность населения региона, административные и политические институты. Существенно меняется внутригородское пространство, формируются городской образ жизни и связанные с ним культурные установки.

Проявленность данных процессов обнаруживает себя в динамике общественного быта, анализ которого позволяет подойти к изучению городского населения не только как объекту влияния социальных и культурных институтов, но и как субъекту, активно действующему в этих областях, выявить отношение горожан к достигнутому уровню и характеру общественной и культурной жизни города.

Концентрированное выражение модернизационные процессы в общественном быту городского населения губернии получают в Иркутске, ставшем фокусом перехода от традиционных форм жизни к городским на региональном уровне. На протяжении рассматриваемого периода Иркутск сосредотачивал 70–85,8 % городского населения губернии. Перешагнув отметку в

25 тыс. человек в 1862 г., к 1897 г. он насчитывал 51,4 тыс. человек, являясь вместе с Томском (1897 г. – 52,2 тыс. человек) [10, с. 295] крупнейшим городом Сибири рубежа XIX–XX вв. В целом за 1858–1897 гг. население центра Иркутской губернии возросло в 2,7 раза, что объективно формировало условия для «радикального изменения характеристик межличностных отношений – для перехода от первичных к вторичным контактам, от связей общины к связям общества» [5, с. 25].

Наличие «беспреданно меняющегося населения» в Иркутске составляло его неуловимую, укоренившуюся черту. П. А. Кропоткин отмечал, что «постоянная бродячая жизнь... придает обществу особый колорит; в городе вечный прилив и отлив: стоит выехать из него на 2 года, чтобы вернувшись встретить на половину новых лиц». Другие сравнивали Иркутск с «заезжим двором»; П. А. Ровинский, стремясь проанализировать сложившуюся ситуацию, отметил «ненормальность» развития Иркутска «от излишнего наплыва чужих элементов» [2, с. 49; 3, с. 283; 9, с. 206].

Трансформация сословной структуры города становится особо ощутимой с середины 1870-х гг. Основным ее вектором являлось ускорение темпов роста податного населения Иркутска, занятого в торгово-промышленной сфере, при снижении удельного веса неподатных слоев, прежде всего военных (в течение 1860–1897 г. – с 24,8 до 2,8 %) [1, с. 79].

Одной из главных черт формирования социального состава Иркутска в период капиталистической модернизации стало резкое увеличение в нем крестьянства, доля которого в общем составе населения города в течение 1860–1897 гг. возросла с 8,3 до 32,7 %, и мещанства, удельный вес которого к концу XIX в. достиг 41,7 % (в 1860 г. – 34,6 %) [1, с. 79]. К 1897 г. Иркутск концентрировал 82 % общей численности этого сословия в городах губернии (в 1860 г. – 62 %).

К концу XIX в. проявляет себя все большее несоответствие сословного состава Иркутска структуре занятости его жителей. Развитие буржуазных отношений размывало границы сословий, формируя структуру классов и новых социальных, в том числе профессиональных, групп. Наиболее активно процесс шел в среде крестьянского населения губернского центра. В 1897 г. при удельном весе крестьянского сословия в Иркутске 32,7 % доля сельскохозяйственного населения города не превышала 3% [6, с. 106–107].

Аккумулируя, помимо экономической, административно-управленческую, культурную и духовную жизнь губернии, Иркутск отличался высоким процентом непроизводственного населения (в 1897 г. – более 32 %). Значительная доля чиновничества дополнялась заметной прослойкой рантье и пенсионеров (более 12 %), представителей свободных профессий (занятых в учебной и воспитательной деятельности, науке, юриспруденции, медицине, литературе, искусстве) (4 %). Подавляющая же часть иркутян (более 65 % на 1897 г.) была занята в торгово-промышленной сфере, в том числе около 13 % – непосредственно в торговле и 28 % – в промышленности. Как и в первой половине XIX в., к концу столетия в Иркутске сосредоточивалась

основная доля купечества региона (к концу XIX в. 93,6 %). Согласно переписи 1897 г., в городе проживало 1693 лиц купеческого звания (3,2 % иркутян).

В целом развитие в регионе капиталистических отношений, смена правовой базы изучаемых процессов и их административного регулирования со стороны государства закладывали фундамент для формирования буржуазных черт в образе жизни и общественном быту. Создавались предпосылки для разрушения устоявшихся сословных характеристик общественного быта, сопутствующих им норм и стереотипов, зарождения массовой культуры, связанных с ней изменений публичной жизни, ускорения интернационализации культурной жизни, унификации и в то же время растущей дробности интересов групп внутри сословий и т. д. Складывались благоприятные условия для снижения роли традиций, большей анонимности и опосредованности отношений. Возрастающий приток сельского населения и существенная миграция размывали средние слои общества, на которых, как на фундаменте, основывалось здание городского быта, создавая благоприятные условия для постепенной утраты той относительной социокультурной однородности, которая характеризовала сибирский город в середине XIX в. [4, с. 153]; вели к нарастанию новых мозаичных отношений.

Вторая половина XIX в. стала периодом роста многообразия форм и процессов общественного быта населения Иркутска, их большей подвижности, более тесного их взаимопроникновения. Менялось соотношение между областями общественного быта с точки зрения их значения для горожан.

Радикальной трансформации подвергся один из значимых сегментов общественного быта иркутян, связанный с участием горожан в органах местного самоуправления. В 1850–60-х гг. наиболее массовой формой участия населения в городских делах являлось собрание городского общества. Наибольшую активность в общественных делах города проявляло купечество. В результате введения Городового положения 1870 г. данная сфера утрачивает сословную корпоративность, иерархичность и сложность, приобретает более четкую и простую структуру, единое внесословное пространство. Избирательное право в Иркутске получило 22,8 % купцов, 11,5 % дворян, около 14 % мещан и разночинцев, 6,6 % лиц духовного звания. Тем не менее введенный реформой 1870 г. имущественный ценз оказался непреодолимым в губернском центре для 93,7 % населения (по реформе 1892 г. – для 97 % горожан).

Смена законодательной базы привела к переплетению традиционных и инновационных черт в восприятии горожанами органов самоуправления и поведения в них, однако престиж высших выборных должностей городского самоуправления в Иркутске был сохранен.

К концу XIX в. оформляется неоднозначное восприятие горожанами думы как института самоуправления и своего участия в нем. Городская дума рассматривается как придаток аппарата государственного управления, как сфера реализации интересов отдельных социальных групп в рамках предоставленных реформами прав управления городским хозяйством. Особенностью периода стало формирование взгляда на думу как общественно-политический орган.

Наибольшую заинтересованность в органах местного самоуправления проявляло крупное купечество и домовладельцы, подчинившие сферу городского хозяйства своим экономическим интересам. В составе иркутской городской думы по реформе 1870 г. купечеству принадлежало 41,7–54,2 %, по реформе 1892 г. – 47–49 %; дворянству, соответственно – 19,4–25 % и 22,2–32,7 %. К концу XIX в. монопольное право на сферу городского самоуправления третьим сословием было утеряно, наблюдается снижение интереса купечества к данной сфере, активизация верхушки мещанства и ремесленников, приближающейся к буржуазным слоям, «обуржуазивавшегося» чиновничества и дворянства. Для передовой общественности Иркутска работа в рамках местного самоуправления выступала сферой легальной общественной деятельности, возможностью самореализации в условиях достаточно ограниченной общественной жизни. К концу XIX в. дворянско-интеллигентское крыло иркутской думы заняло доминирующие позиции в идеологическом отношении. Подавляющая же часть горожан (мещане, ремесленники, мелкие домовладельцы), не находя возможности и не будучи готовы представлять свои интересы, стояла на позициях наименьшего вмешательства в дела муниципальных органов, оставаясь безразлична к их деятельности.

Важной чертой периода явилось расширение форм участия горожан в сфере самоуправления: получило распространение участие в предвыборных кампаниях, посещение заседаний думы. Наиболее массовым участие становилось в период выборов. В Иркутске средний показатель уровня активности избирателей составлял 6,5–11%, что в целом соответствовало общероссийским показателям. Причем активность избирателей была пропорциональна уровню их влияния на городское хозяйство.

Особенностью периода стало сосуществование общественного городского и сословного самоуправлений, базирующихся на различных принципах. Органы сословного самоуправления, утрачивая реальные административные, дисциплинарные, финансовые рычаги воздействия на общества, постепенно отмирали. В конце XIX в. они входили в круг интересов, главным образом, представителей среднего эшелона каждого из городских сословий.

Одними из наиболее устойчивых и демократичных сторон общественного быта иркутян оставались его конфессиональные аспекты, концентрирующиеся в рамках церковной жизни. Наиболее «добросовестно» нормы религиозного поведения (посещение церкви и святых мест, исполнение долга исповеди и причастия, соблюдение календарных религиозных праздников и постов) исполняли лица «низшего и частично среднего слоев» общества, женщины, старики, дети. Отличительной чертой Иркутска являлось повышенное внимание к местным религиозным святыням, широкое бытование общественных обетов, значительное количество крестных ходов (к 1895 г. – до 9 ежегодных).

В течение второй половины XIX в. наблюдалось сокращение удельного веса конфессиональных аспектов в ряду других компонентов общественного быта, усиление роли внешней, формальной стороны религиозных верований; сужение сферы нормативно-религиозного поведения в связи с частич-

ным обесцениванием ряда ее форм (говение, посты). Наблюдался спад аграрной обрядовости. Характерной чертой периода стало увеличение светскости при исполнении религиозного культа и иных норм религиозного поведения, расширение сферы внебогослужебного общения. Наибольший отклик получили религиозно-нравственные чтения (введены с середины 1880-х гг.). Возрастало многообразие стандартов религиозного поведения.

Определенный сегмент общественного быта формировался в рамках приходской жизни горожан. К концу XIX в. приходская сеть Иркутска включала 15 приходов. Несмотря на снижение в течение второй половины XIX в. роли прихода, значение реализуемых им социальных, религиозных и культурных функций в восприятии горожан в целом сохраняется. Деятельность прихожан включала в себя участие в приходских сходах и попечительствах, проведение престольных праздников, чествование церковных старост и приходского духовенства, строительство и ремонт приходского храма, выдвижение и реализацию инициатив религиозного толка. Социальный состав церковного актива и старост к концу столетия замыкается на средних слоях городского населения (мелкое чиновничество и купечество, мещанство, верхушка цеховых). Они же выступали основной социальной базой приходских попечительств, организация которых в 1864 г. внесла не-продолжительное оживление в приходскую жизнь Иркутска.

Падает престижность должности церковного старосты: отсутствие реальной силы и власти у приходских органов снижало интерес крупного купечества и высшего чиновничества города к этому общественному институту.

Значительно увеличилось по сравнению с первой половиной XIX в. пространство общественного быта, формирующееся в связи с развитием неполитических общественных объединений, благотворительной деятельности. Существенную роль в расширении их деятельности сыграла политика правительства и осуществление ее на местном уровне.

Общественные объединения стали одной из немногих форм общественной самоорганизации иркутян. В течение второй половины XIX в. в городах Иркутской губернии было открыто 45 обществ, 77,7% которых сосредотачивались в Иркутске. Профиль деятельности создаваемых обществ был обусловлен уровнем самоорганизации и самосознания городского социума и его отдельных групп. Со значительной долей условности можно определить следующий порядок смены ведущего типа обществ: от полубюрократических благотворительных («расцвет» учредительства приходится на 1850-е – начало 1870-х гг.) и научных объединений через различного рода досуговые общества к обществам взаимопомощи и объединениям культурно-просветительного характера.

Лишь немногие благотворительные и культурно-просветительные общества насчитывали в своих рядах более 100 членов. Официальные полугосударственные благотворительные объединения собирали, главным образом, верхушку чиновничества и купечества Иркутска, интеллигенция и демократические круги тяготели к культурно-просветительным обществам. Наиболее полно данная сфера вошла в общественный быт интеллигенции,

сконцентрировавшей на себе дееспособную часть обществ. Заметное место общественные объединения заняли в бытовом укладе среднего и высшего чиновничества, части духовенства, купечества, ряда профессиональных групп. Большая активность наблюдалась в обществах научного и профессионального профиля, организации досуга и взаимопомощи.

В целом добровольные неполитические объединения вырабатывали навыки общественной деятельности иркутян, способствовали установлению горизонтальных связей в обществе, распространению научных знаний и культуры, профессионализации различных видов деятельности, модернизации досуга, распространению буржуазных норм поведения, слому сословных перегородок, вели к консолидации отдельных групп. Наряду с органами городского самоуправления общественные организации являлись одним из важнейших каналов формирования гражданской активности иркутян в условиях высокой степени централизации власти, представляя социальную базу либерализма и демократии.

Социально усложняются функции общественного досуга горожан, становящегося средством реализации культурно-творческой активности городского населения. Формы специализированной культуры приобретают доминирующее значение в общих характеристиках общественного досуга. К концу XIX в. становится заметным переход к массовой культуре.

Основные сферы общественно-культурного досуга иркутян складывались вокруг общественного собрания и театра. В 1880–1890-х гг. наблюдался процесс демократизации состава посетителей общественного собрания; проводимые мероприятия теряли черты сословной замкнутости и корпоративности. «Клубная жизнь» сосредотачивалась также в стенах коммерческого и офицерского собраний Иркутска, с 1880–1890-х гг. – в клубе общества приказчиков.

Расширяется пространство досуга иркутян, занимаемого музыкальными концертами. Несмотря на оживление гастрольной жизни, данная сфера развивалась, главным образом, за счет местных музыкальных сил. С начала 1880-х гг. на смену организационно не оформленным кружкам любителей музыки пришли добровольные объединения, социальный состав которых включал, в основном, чиновничество и интеллигенцию. С 1880–90-х гг. одной из распространенных форм деятельности культурно-просветительных обществ Иркутска становятся любительские театральные кружки.

Разнообразие в общественный досуг иркутян вносили и публичные выставки, лекции и чтения. В конце XIX в. в связи с активизацией культурно-просветительной деятельности ВСОРГО заметное место в общественном досуге горожан занимает посещение музея Отдела (в 1900 г. – 15,7 тыс. посетителей). Социальный состав народных аудиторий замыкался на «взрослых из простого класса», значительную часть составляли дети школьного возраста.

В 1850–1870-х гг. неотъемлемым компонентом общественно-культурного досуга иркутян становятся публичные гуляния в городском саду. Развиваются сферы досуга, связанные с массовыми формами зрелищ и развлечений,

в том числе посещение цирка. С конца XIX в. формируется сфера детского общественного досуга, в жизнь горожан входят занятия спортом.

Рассматриваемый период был отмечен снижением роли государства и повышением значения общественной инициативы в организации общественно-культурного досуга иркутян. Толчок активному развитию данного направления был дан в период подъема общественной жизни региона 1880–1890-х гг. и связан с деятельностью культурно-просветительных, научных и благотворительных общественных объединений. Иркутяне перестают довольствоваться тем объемом досуга, который предлагали им власти. Наблюдается постепенная трансформация «потребительского», «казенного» характера общественно-культурного досуга в инициативный, зависящий от общественной активности, что в целом соответствовало характеру развития городской культуры во второй половине XIX в. [8, с. 11].

Растущая социально-культурная полицентричность городского общества обуславливала многообразие объема, содержания и форм праздничного общественного досуга иркутян, характера их развлечений. Социальное пространство праздничного общественного быта во второй половине XIX в. приобретало черты мозаичности и разноуровненности.

Наибольшее влияние на общественный быт основной массы горожан оказывали традиционные народные праздники, связанные с земледельческим календарем. Падало значение той группы, в основе которой наиболее ярко прослеживалась связь с земледельческим календарем и древнеславянскими магическими верованиями и обрядами (Семика, Святки, Масленица). Расширялось бытование исключительно светских календарных праздников, в первую очередь Нового года. Твердые позиции удерживали Пасха и Рождество. Народные гуляния становятся открытой системой, выступая элементом зарождающейся массовой городской праздничной культуры.

Характерной особенностью праздничного общественного быта Иркутска второй половины XIX в. стало развитие новых форм праздника, в организации и проведении которых главенствующее место принадлежало общественности города. Толчок активному развитию общественного торжества был дан в период подъема общественной жизни региона 1880–1890-х гг. Праздник явился показателем и следствием активизации общественной инициативы этого периода, выработки и оформления гражданских позиций иркутского городского общества, развития его самосознания. По меткому выражению Г. Н. Потанина, иркутское общество в 1880-х гг. выросло из «административных пеленок, начинало сознавать свое человеческое достоинство» [7, с. 142]. Отличительными чертами общественного праздника являлись большие внутренняя свобода и раскрепощенность, разнообразие форм, содержания и тематики; отсутствовал строгий церемониал.

Пожалуй, самым значительным общесибирским общественным праздником стал «юбилей присоединения Сибири к России», по традиции ежегодно отмечавшийся 26 октября (впервые отмечен в 1881 г.). Праздник был навеян идеями областничества, носил ярко выраженный либеральный характер. Не случайно на празднестве произносилось «много речей, которые,

главным образом, вращались около желаемого дарования Сибири гласного судопроизводства, введения здесь земских учреждений, уничтожения ссылки в Сибирь, скорейшего открытия сибирского университета, дарования свободы местной печати, устройства улучшенных путей сообщения, сухопутных и водных, содействия развитию промышленности и торговли в этом крае, устройства местных выставок и т. п.» [11, с. 428].

Оформляются и развиваются детские и профессиональные праздники.

Вторая половина XIX в. стала периодом формирования внесословного пространства общественного быта, внутренне неоднородного по своим классовым, профессиональным и иным групповым характеристикам. Возрастала дробность и мозаичность общественного быта, увеличивалась амплитуда его насыщенности в различных социальных слоях городского населения. Каждая из групп формирующегося буржуазного общества «осваивала» это пространство на своем, присущем ей как носителю определенной культуры уровне.

Наибольшее разнообразие и приверженность к инновациям отличали общественный быт верхушки городских обществ: крупного купечества и чиновничества, обуржуазивающейся части мещанства и цеховых. Существенное место в их общественном быту принадлежало участию в добровольных обществах и на поприще благотворительности, в рамках городского самоуправления. В данной социальной среде большей трансформации подверглись конфессионально-бытовые черты, отмечено наибольшее разнообразие и насыщенность форм досуга. Данные социальные слои выступали и главными потребителями специализированной культуры. Причем в Иркутске, как и ряде других сибирских городов, наблюдался процесс постепенного нивелирования особенностей досуга верхов торгово-промышленного населения и чиновничества.

Менее насыщенными и разнообразными были рассмотренные стороны общественного быта сформировавшихся средних слоев городского общества, главным образом мелкого чиновничества, мещанства, зажиточной части цеховых и крестьян, не оформившихся в самостоятельные и социально активные группы горожан, способные представлять и отстаивать свои интересы. Общественный быт данных групп в большей степени тяготел к традиционным началам. Существенное значение сохраняло участие в сословном самоуправлении, во внутриприходской жизни и в целом в конфессиональной сфере.

Практически отстранены как активно действующие субъекты от участия в местном самоуправлении, благотворительной деятельности и деятельности в рамках общественных объединений оставались городские низы, полупролетарские слои населения. Их участие в данных сферах носило крайне опосредованный характер, нередко ограниченный лишь возможностью фиксации событий. Более открытой для городских низов была сфера, концентрировавшаяся вокруг церкви. Общественно-культурный досуг низших и, частично, средних слоев городского населения отличали относительная ограниченность и низкая насыщенность, длительное сохранение традиционных форм, замедленное проникновение специализированной культуры.

На протяжении рассматриваемого периода для значительной части простолюдинов стремление к культурному досугу было нехарактерно.

В общественно-бытовых процессах губернского центра второй половины XIX в. все большую роль приобретает интеллигенция и политссылные. Именно эти группы к началу XX в. становятся «движущей силой» трансформации рассматриваемых сторон общественного быта, задавая границы инноваций и обеспечивая их внедрение.

Данные группы взяли на себя роль «активного мобильного меньшинства» в деле создания большей части неполитических общественных объединений, расширения форм благотворительной деятельности. Значительным было их влияние на формирование в среде горожан нового стиля нормативно-религиозного поведения, отличающегося усилением роли внешних, формальных сторон религиозных верований, постепенным обесцениванием ряда его форм. Наибольшее влияние данные группы оказывали на формирующуюся буржуазию городов. В то же время роль купечества как сословной группы, в значительной степени задававшей в предшествующий период ценностные ориентиры, основные стандарты и формы группового поведения, несколько снижается, хотя влияние третьего сословия на социальную и культурную жизнь города оставалось высоким.

Характерной чертой периода стало расширение традиционных рамок участия в общественном быту женщин, принадлежавших, прежде всего, к купечеству, крупному чиновничеству, профессиональной интеллигенции, верхушке мещанства. Широкое бытование получило их участие в различных добровольных общественных объединениях и на поприще благотворительности. Возможностью приобщения к общественно-культурной жизни города выступала сфера досуга в качестве пространства творческо-культурной активности. Процесс был обусловлен общей тенденцией активизации роли женщин в общественной жизни, сменой нормативных воззрений в общественном сознании и психологии на роль женщины в семье и производстве.

В целом процессы, характерные для рассматриваемых сторон общественного быта населения Иркутска, несмотря на специфику, вызванную особенностями социально-демографического, экономического, общественного и культурного развития региона, имели схожий вектор с общероссийскими, будучи направлены на формирование и утверждение буржуазных черт в общественном быту.

Список литературы

1. *Гаврилова Н. И.* Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века : монография / Н. И. Гаврилова. – Иркутск : Оттиск, 2014. – 305 с.
2. *Костров К.* Пространство и население Восточной Сибири / К. Костров // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. – СПб., 1875. – Т. 1. – С. 1–196.
3. *Кропоткин П. А.* Дневники разных лет / П. А. Кропоткин. – М., 1992. – 464 с.
4. *Куприянов А. И.* Русский город в 1 половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. – М., 1995. – 160 с.

5. *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное, экономическое развитие / Б. Н. Миронов. Л. : Наука, 1990. – 271 с.
6. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. – Т. LXXV : Иркутская губерния. СПб., 1904. – 171 с.
7. *Потанин Г. Н.* Воспоминания / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1986. – Т. 7. – 336 с.
8. *Резун Д. Я.* Новации и традиции в городской культуре Сибири XVII – начала XX веков / Д. Я. Резун // Духовная культура народов Сибири: традиции и новации : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2001. – С. 3–14.
9. *Ровинский П. А.* Очерк Восточной Сибири. Иркутск. Его настоящее и прошлое / П. А. Ровинский // Древняя и новая Россия. – 1875. – № 2. – С. 201–220.
10. *Скубневский В. А.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Ч. 1. Население. Экономика / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров. – Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2003. – 360 с.
11. *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. 1032–1882 годы / И. В. Щеглов. – Сургут, 1993. – 463 с.

Irkutsk in the Period of Capitalist Modernization: Main Features and Tendencies of the Development of Social Life in the Second Half of the XIX century

N. I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Abstract. The article concerns the main features and tendencies of the development of social life in Irkutsk in the second half of the XIXth century. The author focuses on the city dwellers' engagement in the local government authorities and the non-governmental associations' activities, as well as their engagement in the religious issues. Cultural and leisure aspects of social life of Irkutsk dwellers are analyzed.

Keywords: city, city life, social life, social structure, local government authorities, public conscience, public self-organization, religiosity, secularization, voluntary non-political public associations, non-governmental initiative, charity, leisure activities, traditions, mass culture, professional culture, holiday.

Гаврилова Наталья Игоревна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социологии и социальной
работы*

*Иркутский национальный исследова-
тельский технический университет
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
тел.: 8(3952) 40-52-99
e-mail: nig2312@yandex.ru*

Gavrilova Natalya Igorevna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Sociology and
Social Work*

*Irkutsk National Research Technical
University
83, Lermontov st., Irkutsk, 664074
tel.: 8(3952) 40-52-99
e-mail: nig2312@yandex.ru*